

СМЕСЬ

*Литературные новости*³⁴. Января 15 вышел здесь 1-й № польской газеты “*Tugodnik Petersburski*” (“С. Петербургский еженедельник”). Содержание: известия внутренние, заграничные и коммерческие, литература и смесь. В сей последней замечательны извлечения из писем А. Мицкевича, писанных им из Рима в конце прошлого года (помещаем здесь перевод сей статьи, богатой мыслями), также исчисление польских и русских периодических изданий на нынешний

89

год. К концу сего месяца отпечатается “Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой”, описательное стихотворение Ф. Н. Глинки, в четырех частях или песнях. В раме исторического события поэт изобразил предания и поверья *лесной Карелы*. Четыре сказки о *витязе Заонеге*, помещенные в 3-й части, носят на себе общую печать русских народных сказок: чудесное в подвигах и богатырских встречах. Но более всего читателям понравится в “Карелии” местность тамошнего края, изображенная во всей дикой красоте ее. Примечания о нравах, обычаях и поверьях карелов и проч. и проч. также весьма любопытны.

*Извлечения из писем Адама Мицкевича, писанных из Рима в исходе ноября и половине декабря 1829 г.*³⁵ Из Венеции отправились мы чрез Феррару и Болонию во Флоренцию, где пробыли три недели... Рим оглушил меня, и купол церкви Св. Петра покрыл собою все памятники Италии... По музеуму я еще только прошелся скорым шагом; у меня разбегались глаза, и я едва успевал останавливать их на Аполлоне³⁶, Лаокооне³⁷ и Гладии³⁸. Прогулка моя продолжалась два часа. Если бы ты собрал вместе статуи и гипсы дрезденские, венецианские и даже флорентийские, то легко бы мог упрятать их все в уголке Ватикана. Здешний музеум есть настоящий город статуй, заваленный саркофагами и выштукатуренный надписями. После Рима отпадет навсегда охота осматривать собрания статуй и картин, и то, что некогда было рассматриваемо с восторгом, воспоминается с некоторым стыдом. Римские ученые едва по слуху знают немцев и англичан и смеются над Байроном. Зато у них есть свои великие люди, известные до самого Тибра. В Ломбардии более жизни: новая литература, двинувшись оттуда грозно, уже стоит над рубиконом. Ливии³⁹ имеет особенную прелесть здесь на месте, ибо вечером можно пойти осмотреть сцену событий, прочитанных поутру. Об Риме трудно писать. Байрон, подобно Горацию Коклесу⁴⁰, гигантским шагом занял мост на Тибре⁴¹. *Ingenti gradu occupavit pontem*⁴².